УДК 811.161.1'271

DOI 10.17516/2311-3499-007

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБЩЕНИЯ КАК ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ПРАКТИКИ

О.Б. Сиротинина

В статье детально рассмотрены 9 составляющих эффективности коммуникации в её отношении как к устной, так и к письменной формам языка, а также в новой языковой формации – интернет-коммуникации, требующей особого внимания. Учтены разные сферы жизни людей: коммуникация повседневная, научная, юридическая, через СМИ, требующие специального рассмотрения и как следствие сам язык, его изменения и угрозы. Не затронута в статье только художественная и межкультурная коммуникация. Обращено внимание на факторы, влияющие на речь, способствующие и мешающие ее эффективности; роль адресанта и адресата в осуществлении и срыве эффективности. В рассмотрении всех этих вопросов автор основывается на своем многолетнем мониторинге речи и трудах лингвистов разных лет. Особое внимание обращено в статье на роль компетентности адресанта и адресата в достижении эффективности и того фона («конвоя»), на котором коммуникация проходит (где, когда, зачем), и причины рисков неэффективности. Привлечено внимание и к возможной судьбе русского языка в результате его изменений в XX в., в том числе под влиянием уже привычного интернет-общения, затронутого в статье лишь слегка, из-за ограничений объема статьи.

Ключевые слова и фразы: эффективность коммуникации; сфера общения; тип общения; судьба языка; интернет; компетентность.

COMMUNICATION EFFECTIVENESS AS ONE OF THE MOST IMPORTANT ISSUES FOR MODERN COMMUNICATIVE PRACTICE

O.B. Sirotinina

The paper examines the 9 components of the communication effectiveness in their relation to both oral and written language, as well as to the relatively new form of the Internet communication which undoubtedly requires in-depth linguistic analysis. Different types of communication situations are taken into account: everyday communication, academic discourse, legal communication, mass media communication. In this regard, we should consider the language itself, its changes and possible threats. Artistic communication and intercultural communication are beyond the scope of this paper. Special attention is paid to the factors that can positively or negatively affect the speech among which is the role of the addresser and the addressee. Consideration of these issues is based on both the long-term examination of discourse practice and the significant body of linguistic literature. Particular attention is paid to the competence of the addresser and the addressee and the background ("convoy") of communication (where, when, why it takes place), the causes of communication risks are determined. Attention is also drawn to the possible destiny of the Russian language as a result of its changes over the 20th century, in particular, under the influence of the Internet communication. Due to the page limit, the author provides the brief overview of the issue.

Keywords and phrases: *effectiveness and ineffectiveness of communication; sphere of communication; type of communication; destiny of the language; Internet; competence.*

Эффективность коммуникации специально изучает риторика, которая ещё в древней Греции определила, что в речи всё должно быть для адресата с максимальной доброжелательностью к нему. Позднее это требование было дополнено максимами Грайса. Фактически тогда же появился учет функционально-стилевой дифференциации литературного языка (зависимость от сфер общения и основных функций его реализации, ещё в первой половине XX в. заявленной в работах Пражского лингвистического кружка, а затем в подведении итогов журнальной дискуссии о функциональных стилях академиком В.В. Виноградовым). В 2015 г. Т.М. Николаевой было обосновано понятие «конвой», без которого ни одно отдельное высказывание не может быть понято [Николаева 2015], что уточнило ранее введенное противопоставление текста и дискурса, породившее и дискурс-анализ, завоевавший современную лингвистику.

Язык – важнейшее отличие человека от животных (хотя свое средство общения есть и у них), его использование **всегда** опирается на «конвой»: зависит от типа общения, его целей, эпохи и всего, что окружает человека в данный момент, от того, что собой представляют адресант и адресат. Список зависимостей можно продолжать и продолжать, они ещё не все выявлены. Попробуем обозначить и проследить роль хотя бы важнейших, без опоры на которые эффективность коммуникации невозможна.

В статье эффективность коммуникации исследуется в лингвистическом аспекте, связанном с формированием сообщения (степень владения языком, реакции на что-то, тип адресата и его восприятие), самим процессом общения и его характером, влияющими на составляющие эффективной коммуникации. Материал – результаты многолетнего мониторинга речи с помощью дискурс-анализа. **Цель** – подведение итогов исследований.

1. Конечно, очень важна языковая компетентность коммуникантов. Если и адресант, и адресат полностью владеют возможностями русского языка (одного из самых богатых и по лексикону, и по грамматической синонимии), эффективность коммуникации достигается легче, хотя риски непонимания всё равно возможны [Рискогенность 2015; Сиротинина 2017а, 2017б]. Однако такая обоюдная компетентность – явление редкое. В нашем материале огромное количество явно ошибочных ударений, флексий, например, 11.12.2017 в телепередаче «60 минут» я услышала *все фронТА*. Слово *схожий*, по данным словарей, просторечное [Шведова 2007] или разговорное [Морковкин 2016], совершенно вытеснило ещё в 2015 г. господствовавшее *похожий*. Ежедневно по радио, телевидению, в газетах и даже в научных лингвистических изданиях я встречаю почти исключительно *схожий*. В отличие от внутреннего *сходства* и внешней *похожести* *схожими* называют и *характеры*, и *ситуации*, *проблемы*, и *очертания*, *фигуры*, *наряды*. Так, конечно, проще: диффузия умственных усилий экономит [Сиротинина, Матяшевская 2016]. По той же причине вместо точного выбора наиболее подходящего синонима употребляется ставшее модным *одеть* в речи даже лингвистов. *Надеть* фактически вышло из употребления. Этот процесс – следствие экономии умственных усилий, недостаточной компетентности пользователей литературного языка – поддержан, в силу технических достижений, широчайшим распространением неграмотной речи.

Пока что в СМИ, художественной литературе и в системах образования господствует грамотная речь, хотя тоже с изъянами, но в социальных сетях Интернета, «в мобильном» общении это уже не так. Поэтому все процессы изменений в языке очень ускорили свое действие; если когда-то язык изменялся столетиями, в XX в. десятилетиями, то сейчас заметны изменения за месяц. Мода распространяется почти мгновенно. К сожалению, часто она приводит к обеднению языка, что явно не способствует эффективности его использования в коммуникации. Идет под влиянием моды и

обогащение языка, но иногда обманчивое, как бы в кавычках. Так, на днях я впервые увидела и тут же услышала заимствованное из английского языка слово *хайп*, потом в иной форме *хайпа* – не наша традиция, затем и производные *хайповать*, *хайповый*. И только один раз с объяснением, что оно значит *искусственно организованный, созданный ажиотаж, шумиха*. Естественно рождается вопрос, а нужно ли внедрять в русскую речь это слово, если есть уже родное *шумиха*? Тем более что массовому адресату оно вряд ли понятно, и даже обращение к словарю затруднено из-за отсутствия английского написания, а в словарях иностранных и даже в словарях модных слов его ещё нет.

В Саратовскую радиопередачу «Служба русского языка» нередко звонят с просьбой разъяснить значение того или иного слова, и характерно, что уже несколько раз спрашивали, что такое *консалтинг*, хотя слово *консультация*, конечно, знают. Раньше адаптация заимствований сопровождалась их транслитерацией, что облегчало обращение к словарям. Теперь идет ориентация на произношение, но это мешает их ассоциации с уже известными словами. Так, *краудфандинг* тоже в сознании адресата никак не связывается с давно адаптированным *фондом*. Активизация англицизмов в современных условиях глобализации неизбежна, но такое обогащение лексикона нарушает экологию языка и особенно речи [Сковородников 2016], мешает и эффективности коммуникации [Куликова 2014]: *газеты без знания английского языка читать уже невозможно*.

Положительная сторона обогащения языка за счет заимствований все же тоже прослеживается. Например, русский язык явно обогатился за счет приобретения суффикса яркой процессуальности *-инг*, поскольку в русских суффиксах *-ство*, *-ость* скорее выражена обобщенность, отвлеченность, но не значение процессуальности как таковой. Однако даже в случае обогащения надо думать ещё и об эффективности употребления заимствований: 1) есть ли в них необходимость, 2) по крайней мере год, если не два сопровождать их объяснением значения, ещё лучше и происхождения, что наблюдается далеко не всегда.

Нарушает экологичность, а значит, и эффективность коммуникации, так как отвлекает от восприятия ее смысла, использование нелитературной лексики и форм слов, что, к сожалению, нередко встречается в СМИ, очень часто в интернет-коммуникации, бывает в повседневной речи, правда, теперь уже гораздо реже, чем в конце XX в. Так, почти вышло из употребления просторечное *намедни*, запущенное в эфир как название модной в 90-х годах телепередачи, сыгравшей важную роль в борьбе с советским официозом. Тогда же модным стало и нелитературное *аккурат* в значении 'точно, как раз' и совершенно ненужное, уродливое *по новой* (есть *снова* и *по-новому*, различающиеся своим значением). Сейчас ни одно из этих слов не только не является модным, встречается только в единичных, всегда неудачных случаях. В 90-е из бутылки был выпущен даже в печать и прямой эфир мат, а также моя статья **против** употребления мата (здесь и далее выделено мной. – О.Б.), мною названная «Мат в художественной литературе – преступление», была опубликована в «Общей газете», редактируемой Е. Яковлевым, под заголовком «**Мат – лекарство от стресса**» без моего на это согласия. Теперь употребление мата в печати, эфире и в общественных местах запрещено. Знание законов о языке и особенно их соблюдение совершенно обязательно, тем более для журналиста и представителей власти, но нарушения, увы, встречаются.

2. Очень важен учёт адресата. Это не менее значимая составляющая эффективности коммуникации. Под типом адресата имеется в виду его персональность, публичность или массовость. Особенно велико отличие массового адресата от первых двух и состоит в невозможности четкого прогнозирования его компетентности из-за разнородности и отсутствия обратной связи с ним. Следует заметить, что во многих современных телевизионных ток-шоу появляются два массовых адресата: массовый за пределами студии и массово-публичный,

присутствующий в студии и реагирующий на высказывания участников ток-шоу аплодисментами. В некоторых ток-шоу публика адресантам видна, чаще она в темноте. Но переспрос всегда исключен, а жесты и мимика вряд ли участникам ток-шоу видны. Причем признак массовости обуславливает для участников неизвестность компетентности адресатов.

Публичный адресат виден адресанту, поэтому возможна и должна быть реакция на его переспросы и какие-то движения, к тому же, конечно, не детально, но адресант знает степень компетентности адресата в затрагиваемых вопросах, особенно в средней и высшей школе (класс, курс). И публичный адресат (особенно при общении с ним через Интернет), и тем более любой подвид массового адресата требуют в общении с ними повышенных умственных усилий.

В общении с персональным адресатом, за исключением случайных собеседников (на улице, в очереди, в поезде) многое об адресате известно (пол и связанные с этим интересы, профессия, уровень образования [Байкулова 2014]). Проще всего добиваться эффективности коммуникации, когда она идёт с персональным адресатом в непосредственном с ним контакте (адресант его видит и в большинстве случаев легко ориентируется в степени правильности восприятия своей речи, даже в темноте возможен переспрос), и потому в персонально адресованной коммуникации человек не прилагает особых усилий для ее эффективности. В случае необходимости можно использовать добавления к сказанному, повтор и ответы на переспрос. Иначе дело обстоит в отсутствие непосредственного контакта в разговоре по телефону, особенно же при использовании письменной формы речи (письма, печатный текст, интернет-общение в соцсетях или по мобильной связи). Общение через Интернет породило поэтому даже особую – третью – форму речи, объединившую в себе качества письменной (продумываемой и с возможностью перечитывания) с качествами устной спонтанной речи без возможности переслушивания ([Интернет-коммуникация 2012] и многочисленные статьи по разным видам и общим свойствам интернет-общения). Отсюда вырастает третья составляющая эффективности коммуникации.

3. Учет адресантом возможностей восприятия важен и с точки зрения полноты реализации задуманного эффекта. Простейшая косвенная просьба открыть окно *Ой, как душно* даже в условиях персонально адресованной коммуникации не всегда приводит к нужному действию. В ответ может прозвучать просто согласие – *Да, душно* (см. приведённые факты неправильно понятого адресатом в разных видах общения в [Рискогенность 2015]). С другой стороны, излишняя полнота, назойливые повторы информации могут вызвать раздражение адресата, и опять-таки эффективной коммуникации не будет. Всегда при формировании текста нужен баланс полноты и краткости, особенно в письменной речи, но также и в устных лекциях, рассказах о чем-либо, а это требует особых умственных усилий. Формула Грайса о необходимом и достаточном действует всегда и везде, входя в состав максимальной заботы об адресате и доброжелательности к нему. Несоблюдение этих норм эффективности коммуникации приводит к рискам ее срыва.

Адресанту всегда надо помнить о разном формировании своей речи в актуальной и неактуальной коммуникации [Коньков 2015, 2016]. Особенно важно это для текстов неактуальной коммуникации (научный текст, законы, художественная литература), рассчитанных на восприятие адресатом будущего, а не только настоящего. В меньшей степени это касается распоряжений и приказов, нацеленных на их выполнение в ближайшее время, и СМИ, ориентированных не на хранение, а на сегодняшнее восприятие. При современной технике связи в СМИ идет погоня на опережение в передаче сенсаций, а информация устаревает иногда за какой-то час.

4. Четвертая составляющая эффективности коммуникации – учет адресантом эпохи, а адресатом – владение событийным и «ценностным» фоном получаемой информации, что также входит в «конвой» высказывания. Так, совершенно непонятен прозвучавший 16.12.2017 анонс радионовостей, в котором было произнесено: *Увеличилось число пострадавших в Нижегородской области*. Но что именно там произошло, адресату, не слышавшему предыдущего выпуска (в том

числе и автору статьи), непонятно: был ли пожар, взрыв или ДТП. И только после анонса и ряда других сообщений было сказано, что в Нижегородской области произошло ДТП. Но постоянно настойчиво повторяется при употреблении слова *ИГИЛ* в скобках, что это *запрещенная в РФ* (или в *России*); *террористическая организация*, хотя все это уже знают и информация становится излишней, но, очевидно, требуемой.

Не всякий адресат знает, кто такие Макрон, Шульц, какую должность занимает теперь Штайнмайер, возможно даже, что Олланд – это экс-президент Франции и т.д., но подобные добавления к упоминаемым фамилиям в СМИ реализуются не всегда, что мешает эффективности сообщаемого. Конечно, знать степень компетентности каждого из массы неведомых адресанту адресатов невозможно, но предполагать и учитывать какой-то «средний» уровень осведомленности необходимо. В неактуальной коммуникации это ещё сложнее, но тоже необходимо. Иначе выясняется, что при имплементации (выполнении международных обязательств) законов нередко по своей в них некомпетентности серьезно страдают люди, как это выяснилось в процессе пресс-конференции Президента России В.В. Путина 14.12.2017 г. (с трудом передвигающийся человек прикрепил к своей корове устройство, чтобы следить за ней, но оказалось, что это запрещено, о чем не знал не только он, но и В.В. Путин). Конечно, каждый **обязан** законы знать, но в них у нас так часто вносятся поправки, что даже не все юристы их знают и помнят, что уж говорить о рядовых россиянах, среди которых даже Конституцию, как показывают опросы, читали не все, а знают тем более.

Научная коммуникация тоже не всегда эффективна из-за все увеличивающегося объема публикуемого – все прочитать даже при облегчении поиска нужного через Интернет сейчас физически невозможно. К тому же в современном мире в науке все так быстро меняется, что приобретенные знания скоро устаревают. К тому же наблюдается (особенно в лингвистике) неоднозначность (и отсюда разноречивость) употребляемых терминов. Для обозначения одного и того же явления языка мы встречаем разные номинации (*звуки мгновенные и взрывные; целевые и фрикативные*); одна и та же фраза (*Иду в кино*) может считаться односоставным и неполным предложением и т.д. Поэтому желательно, следуя завету Б.Н. Головина, снабжать подобные термины при их употреблении разъяснением (*термин такого-то; в понимание автора это то-то*). Для текстов законов существует требование давать в их преамбуле толкования употребленных терминов, но это не всегда соблюдается. А все ли знают, чем различаются *нация* и *народ*, *край* и *область*? Естественная и, к сожалению, реальная недостаточная компетентность адресата должна адресантом учитываться, без этого эффективная коммуникация недостижима.

Для понимания неактуальной коммуникации очень много значит время чтения: в год создания публикации или спустя столетия. Показателен в этом отношении «роман» А. Минкина «Немой Онегин», печатающийся со 02.10.2017 в «Московском комсомольце» – сопоставление современного понимания и современников А.С. Пушкина.

5. В конце второго десятилетия XXI в. в мире «свободы информации» в СМИ появились разные интерпретации одних и тех же событий; естественно, различен их выбор для включения в новости, стала широко использоваться и фейковая информация. В таких условиях для эффективной коммуникации через СМИ становятся очень важными ссылки на источник информации и указания на степень ее достоверности, убежденности автора в своей правоте с помощью различных дискурсивов.

В научной коммуникации абсолютная уверенность не очень принята, поскольку многое остается ещё непознанным, и потому результаты исследований вскоре не только углубляются, но нередко и опровергаются. Показательна судьба *атома* как неделимой мельчайшей частицы материи, в котором потом были выделены протоны, электроны, позитроны, и выделение новых его составляющих всё продолжается. Актуализация категоричности утверждений особенно

свойственна рекламе. А в СМИ из стремления к сенсации и страха ответственности расцветает ссылка на безымянный источник: *Из достоверных источников; эксперты считают; от людей из близкого окружения поступили сведения* и т.д. Проверка достоверности таких фактов невозможна, сенсационность достигается, но эффективность не получается: люди уже привыкли к тому, что эти «сведения» часто оказываются фикцией.

В юридических текстах законов, распоряжениях и приказах сомнения неуместны, и подобные дискурсивы не употребляются, все утверждения категоричны по определению. Однако однозначная классификация действий «не по закону» бывает затруднена. Поэтому используются своеобразные оговорки типа *«если иное не предусмотрено законом / в статье ...»*. Но это не спасает положение с исполнением подобных законов, отсюда незаконопослушность россиян, недоверие к судебной системе. Система апелляций, кассаций в какой-то степени компенсирует неэффективность текстов многих законов. Конечно, совершенствованию нет предела, но нет предела и возможных непредусмотренных в законе его нарушений. К тому же их бесконечная детализация тоже имеет свою обратную достижению эффективности сторону. В значительной мере поэтому в некоторых странах предпочитается применение прецедентного права, но у него свои недостатки, к тому же не все нарушения имеют прецедент и ни одно нарушение не повторяет прецедент тождественно. Добиться **абсолютно** эффективного текста законов вряд ли в принципе возможно, но наиболее эффективен баланс обобщенности и ее детализации. Однако добиваться баланса очень трудно, и поэтому в наше законодательство постоянно вносятся изменения, что, в свою очередь, вредит эффективности: рядовые граждане, **обязанные** законы исполнять, не в состоянии за всеми поправками следить. И об этом законодателям как в судебном производстве, так и в процессе расследования тоже надо знать и всегда учитывать.

6. У любого текста, любого высказывания свой «конвой», и он тоже составляющая эффективности. То, что эффективно в одном контексте, в одной ситуации, в адрес одного адресата и в одном его статусе (мать, жена, дочь, подруга, начальник, подчиненный), не эффективно в других условиях. Учитывать нужно также место и время осуществления коммуникативного акта – как в самой речи, так и в её дискурс-анализе.

7. Одни и те же возможности языка по-разному эффективны или неэффективны в устной и письменной речи одной и той же сферы жизни и даже одного и того же жанра. Так, забота об избегании повтора слов в письменных текстах, использовании синонимов, замене обобщающими существительными и / или местоимениями (*вид*→*эта категория*, *фотон*→*эта частица*) далеко не всегда одинаково эффективны. Синонимы в терминологии, как уже говорилось, не эффективность, а беда любой научной коммуникации.

В устном новостном сообщении любая из принятых замен повтора приводит к неэффективности, так как начальное слово сообщения часто просто не улавливается, и в результате, когда человек воспринимает, что информация о *взрыве (пожаре, наводнении, теракте)*, а дальше слышит *в этой стране, в этом городе, там, здесь*, он так и не понимает, где же это произошло. Удивительно, но подобная неэффективность наблюдается нередко и в устной рекламе приборов, лекарств. Так, почти ежедневно на канале ТВЦ передача о погоде сопровождается рекламой средства от сухой кожи, но, хотя я ежедневно это слушаю и в нем заинтересована, уловить его название мне не удалось.

Такая же эффективность / неэффективность наблюдается нередко в устной речи у русского порядка слов. Во-первых, следует всегда помнить, что у русского порядка слов в письменной и устной речи разные функции и разные закономерности расположения слов [Ковтунова 1976]. Книжки о порядке слов автора И.И. Ковтуновой переиздавались, но до сих пор многие уверены, что в русском языке порядок слов свободный и поэтому об их размещении в предложении можно не

задумываться. Однако такое отношение к русскому порядку слов приводит к неэффективной коммуникации с рисками непонимания или явных ошибок.

В письменной речи основных функций порядка слов две: 1) выражение актуального членения с размещением темы предложения в его начале, а ремы – основной реализации интенции пишущего – в конце и 2) так называемая проективность (неразрушение связи слов в словосочетаниях) – средства организации словосочетаний. В устной речи функция выражения актуального членения выполняется не порядком слов, а звучанием: большей четкостью и интенсивностью звучания с резким понижением на реме основного тона, поэтому рема может занимать любое место в предложении, она слышна, её интонирование не подсказывается размещением. Свойственная русской устной речи (даже при чтении вслух письменного текста) интонация (от повышения основного тона к его резкому снижению в конце предложения) приводит к нечеткости и снижению интенсивности работы речевых органов, а следовательно, и самого звучания (на осциллограмме почти до нуля). Из-за этого в устной речи люди стараются в своем повседневном общении (РР) не размещать рему в конце фраз и в начале, где она плохо улавливается адресатом, а в середине. К сожалению, журналисты об этом не знают или не вспоминают в нужный момент, и, как показывают наблюдения, в новостных сообщениях очень часто весьма важные (рематические) концы фраз просто не слышны (то же с неизвестным адресату ФИО ученого, писателя, президента, министра иностранных дел).

Основная функция порядка слов в устной речи – отделение значимого (препозиция) от незначимого (постпозиция), отсюда размещение коммуникативно незначимого в конце фраз, его проглатывание, а значимого в добавлении к сказанному в новой интонационной синтагме. Поэтому устная повседневная речь изобилует добавлениями, они в ней появляются спонтанно. В СМИ, даже звучащих, – намеренная парцелляция для выделения чего-либо.

В любой форме речи нельзя, чтобы подлежащее и дополнение не различались по форме (*Мать любит дочь; КГБ переиграло ЦРУ*), чтобы местоимение могло заменить одно из существительных из-за их одинаковой формы.

8. Еще одна составляющая эффективности коммуникации – соблюдение норм речевого поведения, законов, что важно в любых официальных переговорах и в повседневном общении, но реальная коммуникативная практика, увы, свидетельствует об обратном. В разговорах с пациентами (при записи на приём, в речи врача) и в полиции, органах власти, не говоря уж о стычках в транспорте, доброжелательность полностью отсутствует. К сожалению, мы встречаемся с этим нарушением эффективности коммуникации с раннего детства (в семье, а потом и в детском саду; в школе в лучшем случае окрики, бывает и физическое насилие); такое поведение воспитывается и с экрана ТВ современными телефильмами, идущими на всех каналах, ток-шоу (в лучшую сторону выделяется только канал «Культура»). В результате прочно забыто искусство спора и его разные виды, а их оптимальное применение зависит от того, где, когда и зачем спор происходит.

Когда-то один из председателей Государственной думы (выходец из правоохранительных органов) не очень удачно выразился: *Дума не место для дискуссий*, что вызвало взрыв осуждения, хотя он был прав. Парламентские выступления – это не столько *дискуссия* (спор ради поиска истины), сколько выражение позиций депутатов, т.е. *дебаты*. Аналогичны предвыборные дебаты, где каждый их участник знакомит избирателей со своей позицией и программой действий в случае избрания. Спор во время таких дебатов сложен по своей реализации, так как обращен, как минимум, к двум разным адресатам: к непосредственному сопернику (не противнику) и к массовому избирателю – заочному чаще всего (как к сторонникам его избрания, так и противникам). И нельзя превращать спор, что, увы, часто бывает, в *полемику*, надо убеждать заочного адресата в своей правоте, а не навязывать свою точку зрения, при этом не унижая и не

оскорбляя (что характерно для полемики) соперника. Увы, настоящие дебаты мы слишком редко наблюдаем.

Для научной коммуникации (на конференциях, при обсуждении доклада, какой-то проблемы, во время предварительных обсуждений и во время процедуры защиты диссертаций) идет дискуссия, в процессе которой не только дается оценка диссертации, но и сталкиваются разные точки зрения, т.е. идет поиск истины. При этом строго соблюдается протокол процедуры защиты, и опять-таки дискуссия не должна превращаться в полемику. То же происходит в суде, где идет дискуссия между обвинителем, защитником и обвиняемым – всё тоже по протоколу, но ещё с выступлениями свидетелей, не спорящих, а дающих показания, и в качестве арбитра выступает судья (в суде присяжных последнее слово за ними). Но и тут идет поиск истины, т.е. дискуссия. Когда-то в ходу были диспуты – научные или политические споры обычно двух, иногда трех человек обязательно в присутствии зрителей-наблюдателей, которые могли только аплодировать. В какой-то мере их «наследником» была телепередача «Культурная революция», которой руководил М.Е. Швыдкой, но зрители были заочные, а находящиеся в студии тоже участвовали в споре отстаивавших своё мнение по заданному вопросу, обычно имевшему важное социальное, чаще всего и нравственное значение. Сменившая эту передачу «Агора» тоже дискуссия, но уже не двух с участием других, а общая между несколькими представителями разных сфер нашей жизни.

Дискуссия может быть и письменной – обсуждение каких-то важных проблем науки и общества в журналах или газетах. Сейчас дискуссии представлены в основном на телеэкране в виде разных ток-шоу, прежде всего на политические темы. Разница между каналами чисто внешняя, и темы, и ход дискуссии в основном повторяются. Несколько отличаются и друг от друга, и от остальных только «Право знать», где спорят с одним, и «Красный проект» – с двумя, имеющими разные позиции – обе передачи на канале ТВЦ. В «Праве знать» не столько спор, сколько ответы одного на вопросы участников и ведущего – Дм. Куликова. Однако все эти передачи воспитывают не умение эффективно дискутировать, а превращение дискуссии в полемику с нарушением не только риторических норм спора, но даже существующих законов и норм культурного поведения: одновременно кричат, перебивая друг друга, используя грубую лексику, постоянно унижают соперника. Долго на канале «Культура» образцом поведения участников дискуссии была не только уже исчезнувшая с экрана «Культурная революция», но и «Что делать» с ведущим В. Третьяковым, теперь и в этой передаче ученые стали друг друга перебивать, говорить одновременно, хотя в отличие от других ток-шоу сравнительно редко.

Изменилось и невербальное поведение дискутирующих: стало частым отсутствие галстука у мужчин, нестрогая одежда у женщин, изменились женские прически (в моде распущенные волосы). Для эффективности любой коммуникации имеет значение не только речевое поведение, но и невербальное, которое тоже должно демонстрировать уважение и к персональному, и к массовому адресату, в СМИ фактически главному.

При этом играет роль и преемственность традиций, и приемлемость современной моды [Кормилицына 2017] в невербальном и в вербальном поведении, особенно в такой многонациональной и многоконфессиональной стране, как Россия. Все это важно не только в семейном общении, но и в официальном, а также для СМИ. Именно поэтому была сделана попытка, не очень удачная и не сыгравшая однозначно положительного эффекта, закрепить в законе уважение к правам верующих и наказание за их нарушение. Но это в значительной степени имеет связь и с эффективностью в межкультурной коммуникации (об этом в других статьях).

9. Ещё одна, и очень важная составляющая эффективности коммуникации – качество того языка, на котором она осуществляется. Русский язык – имеет многовековую историю и является одним из богатейших языков мира. В принципе, чем беднее язык, тем менее возможна

осуществляемая с его помощью эффективная коммуникация. Но все не так просто. В каждом естественном языке система складывается стихийно, во взаимодействии с другими языками и в соперничестве диалектов, поэтому она полна противоречий, нелогичностей, есть в ней и некая избыточность, и лакуны в выражении нужного смысла. Поэтому система литературного русского языка все время меняется, причем не всегда эти изменения к лучшему. В результате речевой деятельности неисчислимых масс людей в самых разных условиях и целях общения она далека от идеальной, несмотря на всё ее богатство.

Эффективная коммуникация невозможна без использования языка, который способен реализовать интенции адресанта и возможность быть понятым адресатом. Условия жизни человечества и обеспечивающей ее коммуникации непрерывно изменяются. На заре человечества была возможна только непосредственная устная коммуникация, с появлением письменности – реализация своих интенций на расстоянии и на будущее. Технические достижения связи (телеграф, телефон, радио, телевидение и теперь Интернет) коренным образом изменили и возможности обмена мыслями, знаниями, отношениями к чему-либо с помощью языка. Язык функционирует в речи, но именно поэтому и речь влияет на язык, под ее влиянием он непрерывно меняется: богатеет (и это для эффективности коммуникации очень важно), беднеет (и это очень пагубно [Рискогенность 2015]). Глобальные возможности современной коммуникации (практическая легкость мгновенной и независимой от расстояния передачи информации с сохранением ее на века через печать и Интернет) привели к пополнению вербальной системы языка уже сформировавшейся системой интернет-знаков. В какой-то мере эти знаки используют наблюдавшуюся в русском языке ещё в XX в. тенденцию к универбации и аббревиации ([Русский орфографический ... 2012] дает «основные общепринятые графические сокращения» типа *абс* – абсолютный, *афр* – африканский, *б.ц.* – без указания цены, *кол-во* – количество и т.д.), но в Интернете кроме подобных есть не только словесно-буквенные, но и чисто визуальные, не имеющие отношения к вербальным, условные знаки. Это и знаки пунктуации, в отличие от языковых нередко удвоенные и утроенные, и смайлики разных типов. Эти знаки участвуют в интернет-коммуникации, не всегда обеспечивая ее эффективность из-за риска неоднозначного понимания их индивидуального применения. Сейчас наблюдается очень сильное влияние интернет-коммуникации на повседневную речь, особенно в молодежной среде. В результате появилось использование смайликов не только в мобильных телефонах, они стали встречаться и в обмене записочками «от руки».

Но главное – реактивность, а не продумывание речи постепенно проникает и в любую устную речь. Следствием этих процессов становится не только плохой дискурс вместо сформированного текста, но и порча самого языка: его обеднение, диффузия и синкретизация [Сиротинина 2016], мешающие точному пониманию смысла (интенции адресанта) в процессе коммуникации даже с непосредственным адресатом, тем более в неактуальной коммуникации, что грозит существенными бедами не только в общении людей, их жизни, но и судьбе всего человечества. Этого нельзя допускать.

Язык должен обогащаться, а не беднеть. Опасность неэффективности коммуникации и как ее следствие обеднения языка заложена в современном школьном образовании, что уже осознано, и положено начало преобразованию (возобновление сочинений, устного экзамена по русскому языку). Но этого мало. Школа должна учить на всех уроках **мыслить** и **доносить** свои мысли до адресата, заботясь в конечном счете не только об умении общаться, но и о судьбе языка.

Конечно, современная система русского языка никогда не могла быть и не сможет быть идеальной, поскольку складывалась и продолжает изменяться стихийно путем «вклада» в язык не только речи писателей, наиболее исследованной, хотя, безусловно, не изученной полностью, а **всех** носителей и пользователей языка за все века его существования. Получилась пока ещё не

очень последовательная, с лакунами и противоречиями, система, богатейшая и пополняемая. Это было и остается неизбежным, но все более актуальной становится задача не испортить её, а такая угроза существует.

Итак, добиваться эффективности коммуникации сложно, но необходимо. Язык дан человеку, чтобы общаться, а если тебя не понимают или понимают не так, как ты задумал, общение превращается в раздражение, страдают и адресант, и адресат. На уроках русского языка нельзя учить только классификации его составляющих (слов, морфем, типов предложения и т.д.), школьник должен научиться эффективно языком **пользоваться**, т.е. писать и говорить так, чтобы **каждый** носитель этого языка, а не только собрат по жаргону и «собеседник» по соцсети, мог его правильно понимать. Литературный русский язык с его функционально-стилевой дифференцией в устной и письменной реализации с соблюдением норм речевого поведения – вот чем должен свободно владеть каждый выпускник школы, тем более вуза. На это и нацелено очень нужное пособие, полезное для всех говорящих на русском языке, а не только для студентов СФУ разных факультетов [Русский язык ... 2015].

Литература

Байкулова А.Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: повседневная речь горожан. Саратов: ООО Изд-ий центр "Наука", 2014. 216 с.

Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т.Н. Колокольцева / Е.И. Горошко, Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова [и др.]. М.: Флинта : Наука, 2012. 328 с.

Кормилицына М.А. Приемлемость как один из важнейших признаков эффективности журналистского текста (на материале современной прессы) // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротинина. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2017. Вып. 17. С. 17–26.

Ковтунова И.И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976. 240 с.

Коньков В.И. Слово живое и мёртвое (о двух коммуникативных типах речи) // Актуальные проблемы стилистики. 2015. № 1. С. 36–43.

Коньков В.И. Принцип описания актуальной медиаречи // Актуальные проблемы стилистики. 2016. № 2. С. 106–115.

Куликова Г.С. Способы предупреждения рисков неправильного понимания новых заимствований // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов / под ред. М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2014. Вып. 14. С. 76–84.

Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка. М.: Словари XXI века, АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. 1456 с.

Николаева Т.М. О "лингвистике речи" (в частности, о междометиях) // Вопросы языкознания. 2015. № 4. С. 7–20.

Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении / А.Н. Байкулова, Е.Ю. Викторова, М.А. Кормилицына [и др.]; под ред. О.Б. Сиротининой, М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2015. 188 с.

Сиротинина О.Б. Тенденции к диффузности и синкретизму языковых единиц в их современном функционировании // Язык: поиски, факты, гипотезы: сб. ст. к 100-летию со дня рождения акад. Н.Ю. Шведовой / отв. ред. М.В. Ляпон. М.: ЛЕКСПУС, 2016. С. 121–132.

Сиротинина О.Б. От чего зависит эффективность коммуникации? // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2017а. Вып. 17. С. 5–17.

Сиротинина О.Б. Что мешает эффективности современной коммуникации? [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 1 С. 25–37. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2017/05/Sirotinina-O.B..pdf> (дата обращения: 20.02.2018).

Сиротинина О.Б., Матяшевская А.И. К чему может привести стремление к экономии речевых усилий в коммуникации на русском языке? [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 150–164. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/05/Sirotinina-O.B.-Matyashevskaya-A.I..pdf> (дата обращения: 20.02.2018).

Сковородников А.П. Экология русского языка. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 388 с.

Русский язык и культура речи (базовые компетенции): учеб. пособие / под ред. проф. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 516 с.

Русский орфографический словарь: около 200000 слов / РАН Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова / под ред. В.В. Лопатина и О.Е. Ивановой. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 896 с.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

References

Baykulova A.N. Ustnoe neofitsial'noe obshchenie i ego raznovidnosti: povsednevnyaya rech' gorozhan [Oral informal communication and its varieties: everyday speech of citizens]. Saratov: ООО Izd-ij centr "Nauka" Publ., 2014. 216 p.

Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya [Internet communication as a new speech formation] / nauch. red. T.N. Kolokol'ceva / E.I. Goroshko, T.N. Kolokol'ceva, O.V. Lutovinova [i dr.]. Moscow: Flinta : Nauka Publ., 2012. 328 p.

Kormilitsyna M.A. Priemlost' kak odin iz vazhneyshikh priznakov effektivnosti zhurnalistskogo teksta (na materiale sovremennoy pressy) [Acceptability as one of the main criteria of journalistic writing effectiveness (based on the material of modern press)]. *Problemy rechevoy kommunikatsii [The issues of verbal communication]: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* / pod red. M.A. Kormilitsynoj, O.B. Sirotinina. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta Publ., 2017. Issuer 17. Pp. 17–26.

Kovtunova I.I. Sovremennyy russkiy yazyk: Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya [Modern Russian: The word order, topic and comment]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1976. 240 p.

Kon'kov V.I. Slovo zhivoe i mertvoe (o dvukh kommunikativnykh tipakh rechi) [The living word and the dead word (two communicative types of speech)]. *Aktual'nye problemy stilistiki*. 2015. No 1. Pp. 36–43.

Kon'kov V.I. Printsip opisaniya aktual'noy mediarechi [Principles of description of modern media discourse]. *Aktual'nye problemy stilistiki*. 2016. No 2. Pp. 106–115.

Kulikova G.S. Sposoby preduprezhdeniya riskov nepravil'nogo ponimaniya novykh zaimstvovaniy [How to prevent misunderstanding of new borrowings]. *Problemy rechevoy kommunikatsii [The issues of verbal communication]: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* / pod red. M.A. Kormilitsynoj. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta Publ., 2014. Issuer 14. Pp. 76–84.

Morkovkin V.V., Bogacheva G.F., Lutsкая N.M. Bol'shoy universal'nyy slovar' russkogo yazyka [Comprehensive dictionary of the Russian language]. Moscow: Slovare XXI veka, AST-PRESS SHKOLA Publ, 2016. 1456 p.

Nikolaeva T.M. O "lingvistike rechi" (v chastnosti, o mezhdometiyakh) [On the issue of "linguistics of speech" (in particular, of the interjections)]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2015. No 4. Pp. 7–20.

Riskogennost' sovremennoy kommunikatsii i rol' kommunikativnoy kompetentnosti v ee

preodolenii [Riskogenics of present-day communication and the role of communicative competence in its overcoming] / A.N. Bajkulova, E.YU. Viktorova, M.A. Kormilicyna [i dr.]; pod red. O.B. Sirotininoj, M.A. Kormilicynoj. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta Publ., 2015. 188 p.

Sirotinina O.B. Tendentsii k difuznosti i sinkretizmu yazykovykh edinit v ikh sovremennom funktsionirovanii [Tendencies to the diffuseness and syncretism of linguistic units in modern language]. *Yazyk: poiski, fakty, gipotezy* [Language: Research, Facts, Hypotheses]: sb. st. k 100-letiyu so dnya rozhdeniya akad. N.YU. SHvedovoj / otv. red. M.V. Lyapon. Moscow: LEKSRUS Publ., 2016. Pp. 121–132.

Sirotinina O.B. Ot chego zavisit effektivnost' kommunikatsii? [What does the effectiveness of communication depend on?]. *Problemy rechevoy kommunikatsii* [The issues of verbal communication]: mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. M.A. Kormilicynoj, O.B. Sirotininoj. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2017a. Issuer 17. Pp. 5–17.

Sirotinina O.B. Chto meshaet effektivnosti sovremennoy kommunikatsii? [What Makes Modern Communication Ineffective?]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2017. No 1. Pp. 25–37. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2017/05/Sirotinina-O.B..pdf> (accessed 20.02.18).

Sirotinina O.B., Matyashevskaya A.I. K chemu mozhet privesti stremlenie k ekonomii rechevykh usilij v kommunikatsii na russkom yazyke? [Effortless speech and its impact on the Russian language] *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2016. No 1. Pp. 150–164. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/05/Sirotinina-O.B.-Matyashevskaya-A.I..pdf> (accessed 20.02.18).

Skovorodnikov A.P. Ekologiya russkogo iazyka [Ecology of the Russian language]. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t Publ., 2016, 388 p.

Russkij yazyk i kul'tura rechi (bazovye kompetencii) [Russian language and culture of speech]: ucheb. posobie / pod red. prof. A.P. Skovorodnikova. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t Publ., 2015. 516 p.

Russkij orfograficheskiy slovar': okolo 200000 slov [Russian spelling dictionary; approximately 200000 words] / RAN In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova / pod red. V.V. Lopatina i O.E. Ivanovoj. Moscow: AST-PRESS KNIGA Publ., 2012. 896 p.

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov [The explanatory dictionary of the Russian language edited by N. Yu. Shvedova] / pod red. N.YU. SHvedovoj. Moscow: Azbukovnik Publ., 2007. 1175 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного.

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.

Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83

Email: skunak@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Sirotinina Olga Borisovna, Doctor of Philology, Professor of the Russian Language.

National Research Saratov State University.

83 Astrakhanskaya street, Saratov 410012 Russia

Email: skunak@mail.ru